

А. И. Грищенко
(Москва)

О некоторых проблемах лексикографирования экспрессивных этнонимов русского языка

При работе над словарём экспрессивных этнонимов, заявленным нами несколько лет назад (Грищенко 2006), возник ряд собственно лексикографических проблем, две из которых можно вынести на обсуждение, причём обе связаны с зоной толкования лексемы: первая проблема – отражение в нашем словаре материалов уже существующих словарей русских социолектов, в которых наблюдается невероятный разноречивостью в подаче интересующих нас единиц; вторая – способ представления в нашем словаре полисемии (а возможно, и омонимии) в области русской экспрессивной этнонимии.

Однако прежде уточним сам термин «экспрессивный этноним»: под ним понимается любое слово со значением лица (или совокупности лиц), во-первых, имеющее в своём значении сему 'народ (этнос)', причём в достаточно широком, «наивном», а не научном понимании природы «этнуса», а во-вторых, обладающее экспрессивностью, причём не только пейоративной, которая подразумевается в ряде аналогичных терминов, ср.: «пейоративные обозначения иноэтничных групп», «псевдоэтнонимы и этнодисфемизмы», «прозвищные этнонимы», «этнические клички», «пейоративные/экспрессивные псевдоэтнонимы», «этнофолизмы», а также англоязычные термины «ethnic slurs», «ethnophaulisms».

Семантика многих экспрессивных этнонимов настолько размыта, что привязка их не только к определённому «этносу», но и к целым культурным, языковым и антропологическим типам невозможна. Это касается в первую очередь слов с корнем *черн-* (напр., *чёрные*, *черномáзые* и т.п.), которые могут обозначать представителей огромного числа национальностей и даже рас – как коренных жителей Средней Азии (монголоидных и европеоидно-монголоидных) или евро-

пеоидных кавказцев, так и собственно негроидов. Однако выявляемое нами интегральное значение лексем *чёрный*, *черномáзый* и т.п. (которые следует сопровождать пометами *груб.* и *прост.*) в многочисленных словарях русского сленга, жаргона и т.п. никак не отражается. Ср. две статьи из (Елистратов 2007: 463):

«ЧЕРНОЖОПЫЙ, -ого, **ЧЕРНОМÁЗЫЙ**, -ого, м. 1. Негр. 2. Т.н. “лицо южной национальности” (кавказец или житель Средней Азии)».

«ЧЁРНЫЙ, -ого, м. 1. Негр. 2. Житель Кавказа, Закавказья и Средней Азии. 3. Опиум».

В приведённых словарных статьях, расположенных на одной странице, удивляет асимметрия в подаче второго значения (при полной идентичности первого), хотя в реальности оно должно быть в точности тем же. Т.е. читатель словаря должен самостоятельно решать, является ли «житель Закавказья» «кавказцем» вообще и входит ли он в странную категорию «лицо южной национальности». Само по себе устойчивое выражение «лицо южной национальности», являющееся расширенным вариантом более частотного выражения «лицо кавказской национальности», не может входить в «правую» часть словарной статьи, не будучи ни строгим этнографическим термином, ни адекватным лингвистическим толкованием: оно само нуждается в толковании как полуофициальный этноним-эвфемизм, бытующий в речи военных и представителей органов правопорядка (о происхождении данного выражения см. подробно: Левинсон 2005: 291-295). Однако В.С. Елистратов в своём словаре использует данное выражение 20 раз (по крайней мере, во 2-м его здании, представленном в цифровом виде и доступном для текстового поиска на сайте «Русские словари»: slovari.ru), причём каждый раз даёт к нему различные комментарии: кроме приведённого выше, это «обычно житель Кавказа» (Елистратов 2007: 19), «обычно приезжий с Кавказа, из Закавказья и Средней Азии» (там же: 153), «обычно о кавказцах» (там же: 160), «южанин» (там же: 188), «азиат» (там же: 442), «кавказец» (там же: 444), «чаще о кавказцах» (там же: 460). Очевидно, что содержание используемого в толковании выражения не особенно ясно для самого толкователя, тем более что оно всегда приводится им в кавычках и в основном (в 16 из 20 случаев) сопровождается определением «т.н.». Толкования в толковании типа «житель» и «приезжий» представляются нам весьма не-

удачными. Более пригодно для использования в толковании (но никак не может им ограничиваться) слово «кавказец», менее – «азиат» (относится также к представителям монголоидной расы, напр., китайцам, которых *чёрными* не называют), совсем непригодно – «южанин» (т.к. может обозначать и русского жителя Юга России).

Ещё больше разнобой в толковании экспрессивных этнонимов в (БСРЖ), хотя задач по унификации способов представления лексического значения перед составителями данного словаря не стояло: толкования здесь приводятся примерно в том виде, в каком они представлены в словарях-источниках. Так, слов *чёрный*, *черножобный* и *черномáзый* мы здесь уже не найдём (почему?), зато есть слово *чернотá* (пометы: «в знач. собир.», «Жрр.», т.е. «жаргонизированная разговорная речь», и «Пренебр.»), одно из значений которого – ‘жители Кавказа и Средней Азии’ (БСРЖ: 668) – в несколько отредактированном виде взято из словаря В.С. Елистратова: «Жители южных республик бывшего СССР (обычно Кавказа и Средней Азии)» (Елистратов 2007: 463). Однако рядом с ним можно увидеть слово *чернослів* ‘житель Кавказа’, до того не имевшее лексикографической фиксации (поскольку приводится только иллюстративный материал из газеты), следовательно, слово «житель» использовано в толковании без влияния других словарей, причём иллюстративный материал входит в некоторое противоречие с толкованием: «Чернослив – лицо кавказской национальности» (о «жителе» – ни слова). Кроме того, «житель» присутствует в этом словаре в толковании слов *басмáч*, *халáт*, *хач*, *чебурék*, *чурбáн*, *чучмék*, «уроженец» – в толковании слов *абрék*, *бамбúk*, *джигít*, *кочéвник*, *мамéd*, *носорог мандариновый*, *рябóй*, «южанин» – в толковании слов *фéска*, *цветнóй*, *янычáр*, наряду с чем встречаются и достаточно корректные (хотя и не вполне точные) толкования, напр.: *хáчик* ‘представитель одной из кавказских национальностей’ (БСРЖ: 644), *урук* ‘представитель народностей Средней Азии’.

В «Словаре современного русского города» (на материале городской речи Омска) уже не встретить неопределённых «жителей», «уроженцев» и «южан»: близость к полемому материалу (в отличие от предыдущих словарей) позволяет более точно определить «этническую» принадлежность рассматриваемых слов («кавказец», «азербайджанец», «армянин», «казах» и т.д.), хотя в толкованиях очень часто встречается слово «азиат» и такие искусственные дефиниции, как «человек

кавказской национальности» (ССРГ: 89), «человек азиатской национальности» (там же: 92), «лицо азиатской национальности» (там же: 315), «солдат среднеазиатской национальности» (там же: 447).

За неразберихой и асимметрией в существующих толкованиях экспрессивных этнонимов русского языка довольно трудно заметить (а тем более решить) проблему их многозначности. Таким образом, одно из требований, которые мы предъявляем к собственному словарю, – это унифицированность толкования, причём толкование многих экспрессивных этнонимов должно носить ступенчатый характер, т.е. сначала следует приводить более широкое значение (применительно к слову *чёрный* – ‘чужой; представитель иной этнической группы с тёмным цветом кожи, волос и глаз’), а уже затем – более узкие значения (‘представитель негроидной расы’, ‘представитель одного из коренных народов Средней Азии’, ‘представитель одного из коренных народов Кавказа’), наконец (если иллюстративный материал позволит дать более точную «этническую» дефиницию), возможна привязка к конкретным литературным этнонимам (‘узбек’, ‘таджик’, ‘азербайджанец’ и т.д.).

Именно отсутствие (или недостаточность) речевого материала не позволяет в большинстве случаев дать многим экспрессивным этнонимам корректное толкование. Так, в одном и том же словаре слово *елдаш* ‘азиат’ (БСРЖ: 177) представлено наряду со своим очевидным фонетико-орфографическим вариантом *ялдаш* ‘узбек; азиат’ (там же: 715), узбекское происхождение которого более чем сомнительно, и явным заимствованием из узбекского *юлдаш* – с тем же значением ‘узбек; азиат’ (там же: 713). Приведённые толкования не опираются ни на одно речевое употребление, тогда как в нашей картотеке их собрано уже несколько десятков, что, однако, не упрощает, а, наоборот, усложняет лексикографическую картину.

Так, проанализировав только одну группу источников (мемуары ветеранов Великой Отечественной войны, во время которой слово *елдаш*, вероятно, и вошло в широкое употребление), мы выделили те основные признаки (безусловно, не связанные с научной классификации «этносов»), по которым солдата могли назвать *елдашом*: 1) расовый признак – «всякие турки и монголы»; 2) языковой признак – носитель «узбекского» языка; 3) географический признак: без прямого указания на этническую принадлежность – «жители Средней Азии»,

«призванные из Средней Азии»; с указанием на этническую принадлежность: приблизительную («нацмены из Средней Азии») и точную («наши соотечественники из среднеазиатских народностей: сартов, узбеков, тюрков и др.», «южане» – «узбеки и казахи»); 4) собственно «этнический» признак, точнее – использование нейтрального литературного этнонима для толкования в тексте слова *елдаш*: «таджики», «узбеки и азербайджанцы», «узбеки и таджики», «по-моему, узбеки», «узбек или казах», «азербайджанцы». Таким образом, усреднённый портрет *елдаша* – «тюркоязычный монголоид из Средней Азии», однако в категорию *елдашей* попадали и азербайджанцы (не монголоиды и не среднеазиаты), и таджики (не монголоиды и не тюрки), и якуты (не среднеазиаты). Кроме того, *елдашами* не могли называть городских и владеющих русским языком, т.е. типичный *елдаш* был сельским жителем, плохо говорящим по-русски, что также следует отразить в толковании.

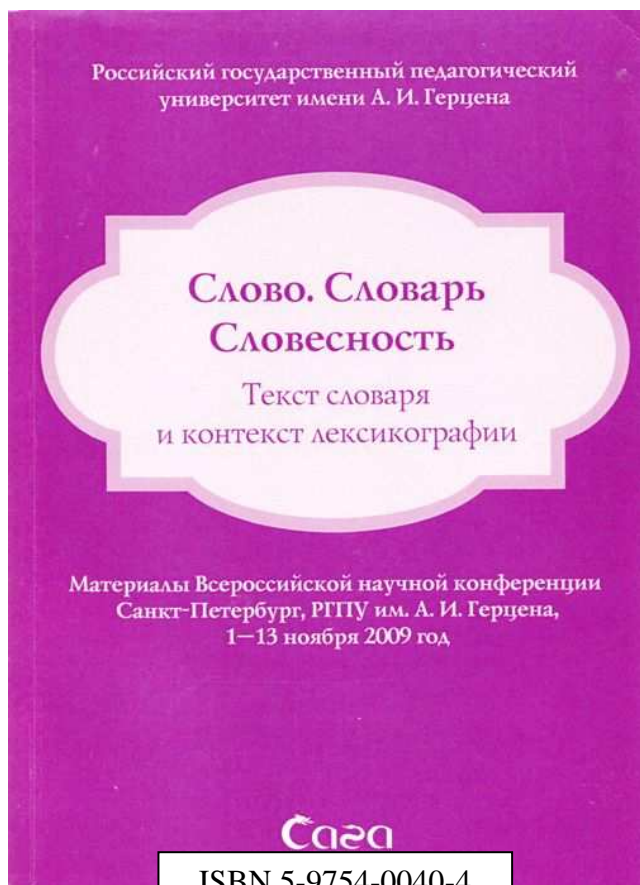
С течением времени экспрессивный этноним *елдаш* покинул армейскую среду и время от времени встречается в современной разговорной речи. Например, в т.н. «патриотическом» дискурсе образ *елдаша* предельно обобщён: это, прежде всего, «не русский», который ущемляет в правах «русского», пользуясь своими загадочными привилегиями, а затем только – представитель народов Кавказа или Средней Азии. В речи русскоязычных (предположительно армянской идентичности) пользователей Интернета словом *елдаши* обычно обозначают азербайджанцев. Т.е., с одной стороны, происходит расширение значения, с другой – его сужение, что может нарушить ступенчатость в представлении разных значений одного и того же экспрессивного этнонима. Нарушение ступенчатости целесообразно только в том случае, если история слова более-менее известна (что среди русских экспрессивных этнонимов довольно редко встречается), – тогда первое место в словарной статье должно занять исторически более раннее значение.

Проблема толкования экспрессивных этнонимов – лишь одна из проблем, связанных с лексикографированием этнонимов вообще – областью лексикографии, до сих пор в отечественной науке ещё не разработанной, если не считать нескольких работ Г.Ф. Ковалёва (Ковалёв 1988; Ковалёв 1991: 119-145 и др.). О том, насколько назрел (и даже перезрел) вопрос об адекватном толковании этнонимов русского литературного языка (не говоря уже об этнонимах экспрессивных), сви-

детельствует бурная дискуссия в Интернете, инициированная в январе 2007 г. В.И. Беликовым на форуме «Городские диалекты» сайта «Lingvo» (<http://forum.lingvo.ru/>): основной мишенью критики обсуждаемого здесь «Большого академического словаря русского языка» («нового БАСа») стала именно представленная в нём этнонимия. Наша работа скорее обнаруживает болевые точки в русской жаргонной лексикографии (которая подвергается более серьёзной критике, например, в работах (Шаповал 2001), (Добродомов, Шаповал 2006) и др.), чем даёт однозначные рекомендации, которые только вырабатываются в процессе составления словаря экспрессивных этнонимов русского языка. Но уже очевидно, что полноценное толкование экспрессивных этнонимов (да и любых других слов, как литературных, так и жаргонных) невозможно без опоры на богатый речевой материал и без учёта сильной диффузности их значения в речи, поскольку словарь экспрессивных единиц – это словарь не столько языка, сколько речи, и границы его всегда открыты, а толкования, составляющие его, заведомо неполны.

Литература

- БСРЖ: *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб., 2001.
- Грищенко А.И.* Принципы составления словаря экспрессивных этнонимов русского языка // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты). М., 2006. С. 707–710.
- Добродомов И.Г., Шаповал В.В.* Трудности лексикографической трактовки жаргонного слова // Слово в словаре и дискурсе: Сб. научн. ст. М., 2006.
- Елистратов В.С.* Толковый словарь русского сленга. М., 2007.
- Ковалёв Г.Ф.* Лексикографические проблемы русской этнонимии // Теория и практика учебной лексикографии. М., 1988. С. 138–153.
- Ковалёв Г.Ф.* Этнонимия славянских языков. Номинация и словообразование. Воронеж, 1991.
- Левинсон А.Г.* «Кавказ» подо мною: Краткие заметки по формированию и практическому использованию «образа врага» в отношении «лиц кавказской национальности» // Образ врага: Сб. научн. ст. М., 2005.
- ССРГ: Словарь современного русского города. М., 2003.
- Шаповал В.В.* Текст источника как объект анализа для филолога и историка. М., 2001. С. 13–37.

Грищенко А.И. О некоторых проблемах лексикографирования экспрессивных этнонимов русского языка // Слово. Словарь. Словесность: Текст словаря и контекст лексикографии: Материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, 11–13 ноября 2009 г. / Отв. ред. В.Д. Черняк. – СПб.: САГА, 2010. – С. 206–211.